

ИЗ ИСТОРИИ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Н. Н. ЧЕБОКСАРОВ

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ЭТНОГРАФИИ В КИТАЕ

1

Характерной чертой китайской этнографии в наши дни является ее тесная связь с национальной политикой Коммунистической партии Китая и Народного правительства, с практическими задачами демократических и социалистических преобразований у народов Китайской Народной Республики, находившихся до 1949 г. на различных ступенях социально-экономического развития — от первобытно-общинного строя до капитализма. Большое значение исследования китайских этнографов имеют также для разработки многих комплексных историко-этнографических проблем, в особенности проблем развития первобытного общества и закономерностей перехода от него к различным классовым социально-экономическим формациям или непосредственно к социализму. В конкретных условиях современного Китая, вступившего в период развернутого социалистического строительства, проблемы эти, впервые поставленные Марксом и Энгельсом, приобретают особую актуальность и политическую остроту.

Не сразу этнографы Китая заняли свое место в строю активных созидателей социализма: среди них на протяжении всех десяти лет после Освобождения шла острая идейная борьба между прогрессивным, социалистическим, и реакционным, буржуазным, направлениями в науке, между марксизмом-ленинизмом и всевозможными идеалистическими теориями, частично полученными в наследство от старого феодального Китая, главным же образом «импортированными» из капиталистических стран, в первую очередь из США и Англии. «Свержение белого знамени и водружение красного знамени в этнографических исследованиях»¹ не могло произойти мгновенно; только в период Большого скачка — общего быстрого подъема во всех областях экономики, общественной жизни и культуры — процесс этот мог в основном завершиться в год славного десятилетнего юбилея образования Китайской Народной Республики победой марксистско-ленинской методологии. Ясное представление о развитии этнографии в новом Китае можно получить, очевидно, только познакомившись, хотя бы в самых общих чертах, с ее состоянием в предшествующие исторические эпохи.

В эпоху феодализма в Китае — как и во всех других странах мира — не существовало этнографии в качестве самостоятельной исторической науки со своими специфическими задачами, предметом и методами. Но этнографические материалы — всевозможные сведения о культуре и быте народов Среднего государства и соседних стран, об их происхождении, расселении и численности — накапливались, а частично и система-

¹ См. статью Су Кэ-ци на «Свержение белого знамени и водружение красного знамени в этнографических исследованиях», «Миньцзю яньцзю», 1958, № 2.

тизировались с глубокой древности, по крайней мере с периода Шан-Инь (1562—1066 до н. э.), когда существовала уже развитая иероглифическая письменность². Как и везде, накопление данных этнографического характера было связано в древнем Китае с практическими задачами ведения сельского хозяйства, ремесла, торговли, внутреннего управления и внешних сношений. Заметную роль в этом деле играли также религиозно-культовые обряды и все виды поэтического народного творчества, всегда отражающие — частично в реалистических, частично же в фантастических образах, — разные стороны быта и культуры. Трудно найти страну, в которой процесс накопления этнографических знаний, зафиксированных в письменных памятниках, был непрерывным на протяжении столь длительного времени, как это имело место в Китае, где процесс этот охватил по крайней мере 35 столетий (XV в. до н. э. вплоть до XX в. н. э.)!

Еще в период Западного Чжоу (1066—771 до н. э.) в Китае существовали, как известно, специальные чиновники — собиратели народных песен, служивших правителям всех рангов источниками сведений о народной жизни, о нравах и обычаях населения, о его настроениях, думах и чувствах. Сборником таких песен является, в сущности говоря, древнейший памятник китайской народной поэзии — «Шицзин», чрезвычайно богатый яркими характеристиками разных сторон хозяйства, общественного строя, культуры и быта древнекитайского народа, а также легендами и преданиями историко-этногенетического содержания, в которых, наряду с фантастикой, почти всегда имеется и рациональное зерно³. Особенно интересен для исторической этнографии первый раздел «Шицзина» — «Го фын» (Нравы царств), само заглавие которого, можно сказать, сугубо «этнографично»⁴. В этом разделе среди 160 песен, собранных в пятнадцати царствах, находятся замечательные поэтические произведения, посвященные таким сюжетам, как «Земледельческий год», «О скупости князя», «Тоска о муже, посланном в поход», «Выход невесты» и т. п. В других частях «Шицзина» — главным образом в разделах «Да я» (Великие оды) и «Сун» (Гимны)⁵ — сосредоточено много материалов, имеющих большое значение для разработки вопросов происхождения и истории культуры народов древнего Китая. Очень важны в этом отношении, например, оды «О Государе Зерно» (мифический изобретатель земледелия и предок племен чжоу — Хоу-цзи), «О Вэнь-ване», «Об У-ване» (первые правители государства Чжоу).

Значительный интерес для исторической этнографии представляют также и другие «классические книги» древнего Китая, вошедшие в конфуцианские каноны «Уцзин» (Пятикнижие) и «Сышу» (Четверокнижие). Так, в «Шаншу», или «Шуцзине» (Книга исторических преданий, содержатся ценные документы древнего законодательства и легенды о «золотом веке» правления «совершенномудрых» Яо, Шуня, Юя, Чэн-тана. У-вана; в «Лицзи» (Книга установлений) — древнейшие своды норм обычного права и культовых ритуалов, в особенности — связанных с почитанием предков; в «Чжоуи», или «Ицзине» (Книга перемен) — гадательные гексаграммы (чертежи из шести линий), по которым в старину предсказывали счастье и несчастье⁶. К периоду Западного Чжоу восходят, вероятно, самые древние главы сборника «Шаньхайцзин» (Книга о горах и морях), окончательная редакция которого относится к ханьскому времени (206 до н. э.— 220 н. э.). «Шаньхайцзин» — один из са-

² Даты даны по работе Фань Вэнь-лани «Древняя история Китая» (пер. с кит.), изд. АН СССР, 1958, стр. 56—64.

³ «Шицзин» (пер. с кит.), изд. АН СССР, М., 1957. На русский язык название «Шицзин» обычно переводится как «Книга песен».

⁴ Там же, стр. 9—196.

⁵ Там же, стр. 329—468.

⁶ См., например, у Фан Вэнь-лани (Указ. раб., стр. 174—185).

мых богатых источников для изучения китайской мифологии, в значительной степени имеющей космогонический, этногенетический и историко-культурный характер. В этой книге помещены, в частности, сказания о борьбе легендарного Хуан-ди (Желтого императора) с племенами сань-мяо (три мяо), будто бы жившими в III тысячелетии до н. э. на севере Китая и только позднее, под натиском китайцев, отступившими к югу в бассейн Янцзы⁷. Живой интерес к историко-мифологическим вопросам пронизывает творчество великого китайского поэта Цюй Юаня (340—278 до н. э.); особенно ярко интерес этот выражен в поэме «Вопросы к небу», которая после «Лисао» («Скорбь») является наиболее крупным произведением основоположника китайской литературы⁸.

Первоклассный историко-этнографический источник представляют собой «Шицзи» (Исторические записки Сыма Цяня (145—86 до н. э.), состоящие из 130 глав, распределенных по пяти разделам: бэнь-цзи (основные записи), бяо (хронологические таблицы), шу (описания, или трактаты), шицзя (генеалогические истории) и лечжуань (биографии, или жизнеописания)⁹. Этнографические материалы можно встретить во всех разделах труда Сыма Цяня, но наиболее насыщен ими раздел 3-й (шу), восемь глав которого посвящены описанию этикета, музыки, законов календаря, астрономии и астрологии, обрядов жертвоприношения, ирригации и хозяйства. Сыма Цянь, много путешествовавший по Китаю, хорошо знал его природу и людей, его прошлое и настоящее; большое значение он придавал хозяйственной жизни общества и его экономическому развитию. Среди прочих данных, имеющих огромную научную ценность, в «Шицзи» включено и описание знаменитого путешествия Чжан Цяня, который в 138—126 гг. до н. э. посетил многие страны Центральной и Средней Азии (вплоть до Кушании — государства индоскифов, или юэчжи китайских источников). В рассказах Чжан Цяня, записанных с его слов Сыма Цянем, содержатся разнообразные сведения о народах, обитавших к северу и западу от Китая (сюнну, усунь, юэчжи, кангюй и др.).

Труд Сыма Цяня, охватывающий огромный период от легендарного Хуан-ди (XXVII в. до н. э., согласно древней традиции) до вполне реального У-ди (140—87 до н. э.), открыл собой серию династийных летописей, или хроник, посвященных истории отдельных китайских династий от Западной, или Старшей, Хань (206 до н. э.—24 н. э.) до Мин (1368—1644)¹⁰. Этнографические сведения, накопление которых происходило на протяжении всей истории феодального Китая, можно найти как в этих хрониках, так и в других произведениях научного или литературного характера того же времени. Так, в хронике «Цяньханьшу» (Летопись династии Старшей Хань), составленной историком Бань Бяо и его детьми Бань Гу (сын) и Бань Чжао (дочь) в I в. н. э., много ярких описаний жизни китайских крестьян. «Весной они пахут,— читаем в этой книге,— летом выпалывают сорные травы, осенью жнут, зимой сохраняют запасы, рубят дрова, убирают казенные помещения. Весной они не могут защититься от ветра и пыли, летом от жары, зимой от холода и мороза, и во все четыре времени года нет дня, чтобы отдохнуть». Там же можно прочесть, что земледельцы «одевались в шкуры быков и лошадей и ели пищу собак и свиней»¹¹. Страшная тяжесть феодальной эксплуатации выступает в этих строках очень отчетливо! Немало подобных описаний и в более поздних династийных хрониках.

⁷ Там же, стр. 25.

⁸ «Антология китайской поэзии» (пер. с кит.), т. 1, М., 1957, стр. 165—179.

⁹ Сыма Цянь, Шицзи (Исторические записки), Пекин, 1956; ср. также Сыма Цунь, Избранное (пер. с кит.), М., 1956.

¹⁰ «Эршиу ши» (25 династийских хроник), Пекин, 1956.

¹¹ Цит. по книге: Л. В. Симоновская, Г. Е. Эренбург, М. Ф. Юрьев, Очерки истории Китая, М., 1956, стр. 29.

Большой интерес для этнографии представляют очень популярные в феодальном Китае книги о различных сухопутных и морских военных походах, разведывательных и торговых экспедициях, путешествиях паломников к «святым местам» и т. п. В «Хоуханьшу» (Летопись династии Младшей Хань, 25—220 н. э.) находим, например, отчет об экспедиции военачальника Бань Чао (сын Бань Бяо, брат Бань Гу и Бань Чжао) дошедшего в 97 г. до долины Мургаба в Средней Азии. В книге «Фогэцзи» (Записки о буддийских странах) монаха Фа Сяня рассказывается с его путешествии в 399—414 гг. в Центральную Азию и Индию, откуда автор вернулся морским путем; попутно сообщаются сведения о природе пройденных стран, нравах и обычаях их населения¹². Еще более интересно с историко-этнографической точки зрения «Сиюцзи» (Путешествие на Запад) другого буддийского монаха — Сюань Цзана, паломничество которого в Индию через Центральную и Среднюю Азию продолжалось почти 17 лет (629—645)¹³. О приключениях Сюань Цзана и его мифических спутников — царя обезьян Сунь У-куна и свиньи Чу Ба-цзе — китайский народ сложил впоследствии много легенд, которые сами по себе являются ценными фольклорно-этнографическими источниками. К периоду династии Тан (618—907) — «золотому веку» феодального Китая — относится специальная «Книга о варварах» (Маньшу), представляющая собой настоящую этнографическую энциклопедию своей эпохи. К 1405—1433 гг. относятся семь морских экспедиций Чжэн Хэ, посетившего Вьетнам, Таиланд, Малакку, Яву, Суматру, Цейлон, Индию, Иран, Аравию, Восточную Африку¹⁴. Плавания эти положили начало регулярной торговле Китая со странами Юго-Восточной и Южной Азии, привели к появлению там китайского населения, расширили географический кругозор средневековых китайцев и обогатили их этнографические знания.

Говоря об историко-этнографических источниках феодального Китая, следует особо отметить, что некоторые из них были написаны на языках национальных меньшинств. Очень интересна в этом отношении, например, хроника династии Северной Вэй (386—534), составленная на языке тоба, входящем в монгольскую группу. К X в. относится начало составления летописей на тибетском языке, к сожалению, еще очень мало изученных с историко-этнографической точки зрения. Лучше известны источники на уйгурском, монгольском и маньчжурском языках. Много этнографических и фольклорных материалов содержит известное «Сокровенное сказание» (по-монгольски «Нууц товч», по-китайски «Юаньчаобиши») — крупнейший памятник монгольской литературы XIII в. (1240)¹⁵. Не меньший историко-этнографический интерес представляет «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в восьми знаменах состоящего», опубликованное в 1739 г. на маньчжурском языке и вскоре переведенное на китайский, а в конце XVIII в. и на русский¹⁶. Уже после Освобождения на юге Китая были обнаружены ценные письменные памятники на языках и и бай; у и была своя письменность, бай пользовались китайской графикой,

¹² См., например, Я. М. Свет, По следам путешественников и мореплавателей Востока, М., 1955.

¹³ Сюань Цзан (Сюань Чжуан), Сиюцзи (Путешествие на Запад), ряд изданий.

¹⁴ Фэн Чэн-цзюнь, Исследование о путешествиях Чжэн Хэ в чужеземные страны Запада (на кит. яз.), Шанхай, 1935; ср. также Я. М. Свет, Указ. раб.

¹⁵ «Сокровенное сказание» (пер. со старомонгольского и с современного монгольского яз.), Улан-Батор, 1947; С. А. Козин, Сокровенное сказание, Монгольская хроника 1240 г., М.—Л., 1941.

¹⁶ И. Россохин и А. Леонтьев, Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в восьми знаменах состоящего, тт. I—XVI, СПб., 1784; ср. также: А. В. Стренина, У истоков русского и мирового Китаеведения, «Сов. этнография», 1950, № 1, стр. 170—177.

читая ее по-своему. К числу источников, имеющих определенное значение для этнографии, должны быть отнесены также еще очень мало изученные провинциальные летописи Китая, семейно-родовые хроники и генеалогические таблицы¹⁷.

Нельзя, наконец, пройти мимо произведений китайской художественной литературы, нередко содержащих очень точные и подробные, почти документальные данные о быте и культуре различных социальных и территориальных групп населения страны.

Большой фольклорно-этнографический интерес представляют народные песни южного и северного Китая, созданные в IV—VI вв. и сохранившиеся в разных исторических памятниках¹⁸. В северокитайских песнях, например, сообщается о жизни скотоводов-кочевников, об их набегах на оседлое китайское население, об обнищании крестьян в результате этих набегов. Целой эпической поэмой является «Песня о Мулань» — народной героине, много лет служившей вместо старика-отца в войсках, оборонявших границы Китая от кочевников¹⁹. Много культурно-бытовых, часто поразительно метких характеристик можно найти и в классических китайских романах — «Саньгоянь» (Троецарствие) Ло Гуань-чжуна (около 1330—1400), «Шуйхуэцзюань» (Речные заводи) Ши Най-аня (XIV в.), «Сиюцзи» (Путешествие на Запад) У Чэнь-эня (1500—1582), «Жулинь вайши» (Неофициальная история конфуцианства) У Цзин-цзы (1701—1754), «Хунлоумэн» (Сон в красном тереме) Цао Сюэ-цин (1722—1763) и некоторых других²⁰. Сказанное об этих романах в значительной степени справедливо и по отношению к блестящим стихам Танской эпохи («танши»), в особенности к произведениям гениальных поэтов Ли Бо (701—765), Ду Фу (712—770) и Бо Цзюй-и (772—846)²¹, к лучшим образцам поэтического творчества эпохи Сун, написанным в жанре «цы» («сунцы»), ко многим драмам эпохи Юань («юаньцзюй») — в первую очередь к пьесам Гуань Хань-цина (1210—1280) или к замечательным новеллам Пу Сун-лина (1640—1715), проникнутым подлинно гуманистическим мировоззрением и насыщенным глубоко народными фольклорными образами²². По количеству и качеству историко-этнографических и фольклорных материалов, накопленных и зафиксированных в письменных памятниках докапиталистического периода, Китай должен быть безусловно поставлен на одно из первых мест в мире.

2

После первой «опиумной» войны 1839—1842 гг., во время которой ясно обнаружился глубокий кризис китайского феодального общества, началось постепенное закабаление Китая капиталистическими державами, достигшее наибольшей силы в период империализма (с конца XIX в.), когда прежде могущественное Среднее государство стало полуфеодально-полуколониальной страной, экономически отсталой и политически слабой. Однако капиталистические отношения, хотя и медленно, все

¹⁷ Данные об этих источниках получены автором во время работы в КНР (1956—1958) от проф. Линь Яо-хуа и других китайских этнографов.

¹⁸ «Антология китайской поэзии» (пер. с кит.), т. 1, М., 1957, стр. 344—346, 362—368; Юэфу, Из древних китайских песен» (пер. с кит.), М.—Л., 1959, стр. 83—386.

¹⁹ «Антология китайской поэзии», т. 1, стр. 365—368.

²⁰ Ло Гуань-чжун, Троецарствие (пер. с кит.), тт. I—II, М., 1954; Ши Най-ань, Речные заводи (пер. с кит.), тт. I—II, М., 1955; У Чэнь-энь, Сиюцзи (Путешествие на Запад), ряд изданий (самый ранний список относится к 1592 г.); У Цзин-цзы, Жулинь вайши (русский перевод части романа см. «Молодая гвардия», 1929, №№ 18—20, 21); Цао Сюэ-цин, Сон в красном тереме (пер. с кит.), тт. I—II, М., 1958—1959.

²¹ См., например, «Антология китайской поэзии», т. 2, М., 1957, стр. 75—120, 131—180, 230—258.

²² Пу Сун-лин [Ляо Чжай], Рассказы о людях необычайных (пер. с кит.), М., 1954.

же развивались в Китае; на арену истории выступали новые общественные классы — пролетариат и различные группы буржуазии, — уже боровшиеся между собой, но в то же время принимавшие участие (хотя и в очень разной степени) во всенародном национально-освободительном движении против империалистов и феодалов, острие которого до Синьхайской революции 1911 г. было направлено против прогнившего деспотического режима маньчжурской династии Цин. Это был первый — «старо-, демократический» — этап китайской революции, когда ее гегемоном была национальная буржуазия, слабая и непоследовательная, склонная к полумерам и компромиссам. Все же и тогда в общественной жизни Китая выделялось революционно-демократическое направление во главе с Сунь Ят-сеном, деятельность которого получила, как известно, очень высокую оценку В. И. Ленина²³.

Весьма пестрой по своему социальному происхождению и по своей идеологии была китайская интеллигенция того времени, вышедшая в большинстве из среды помещиков и разных слоев буржуазии и лишь в небольшой части — из среды трудящихся, главным образом зажиточных крестьян и ремесленников. Лучшие представители этой интеллигенции еще до Синьхайской революции живо интересовались историей своего народа, его освободительной борьбой в прошлом и настоящем, богатейшей культурой, нравами и обычаями, поэтическим творчеством. Вместе с тем широкое распространение в интеллигентских кругах Китая конца XIX — начала XX в. получили различные философские и общественно-политические концепции западноевропейского и американского происхождения, большей частью идеалистические, а иногда и прямо реакционные. Руководитель «движения реформаторов» (1898) Кан Ю-вэй, например, специально изучал антропологические и социологические работы, в особенности труды Т. Гексли и Г. Спенсера. Книга последнего «Основания социологии» (1876—1896), содержащая наиболее полное изложение реакционной органической теории общества, была переведена на китайский язык и приобрела большую популярность среди китайской интеллигенции.

Наиболее радикальные участники движения реформаторов — Хуан Цзунь-сянь (1848—1905) и Тань Сы-тун (1865—1898), — бывшие одновременно философами, общественными деятелями и поэтами, также интересовались трудами европейских ученых, но больше внимания обращали на жизнь и творчество своего народа, насыщая фольклорно-мифологическими и бытовыми образами свои стихи, проникнутые подлинным гуманизмом, патриотизмом, ненавистью к иностранным агрессорам и цинским деспотам²⁴. Гуманистическое мировоззрение, закономерно сочетающееся с пристальным вниманием к борьбе, труду и быту своего народа, отчетливо выступает и в некоторых «обличительных», по выражению Лу Синя, романах начала XX в., появление которых было вызвано настоятельными, продиктованными самой жизнью требованиями беспощадной критики целиком изжившего себя общественного строя, в частности жестокостей и злоупотреблений продажного чиновничье-бюрократического аппарата. Обличительные романы не были, конечно, этнографическими исследованиями, но они содержали много культурно-бытового материала, продолжая в этом отношении линию более ранних произведений китайской художественной прозы, упомянутых выше. Определенный интерес для этнографии представляет, например, книга Лю Э (1857—1909) «Путешествие Лао Цаня», в которой очень ярко и разносторонне показана тяжелая трудовая жизнь крестьян и горожан восточнокитайской провинции Шаньдун²⁵.

²³ В. И. Ленин, Демократия и народничество в Китае, Соч., т. 18, стр. 143—149.

²⁴ «Антология китайской поэзии», т. 3, М., 1957, стр. 282—294.

²⁵ Лю Э, Путешествие Лао Цаня (пер. с кит.), М., 1958.

Во много раз усилилось революционно-демократическое направление во всех областях общественной, культурной и научной жизни Китая в результате Движения 4-го мая 1919 г., направленного против империализма и феодализма. Движение это, возникшее под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, знаменовало собой начало нового этапа китайской истории — этапа «новомодератической революции», гегемоном которой был уже рабочий класс. Через два года после начала Движения 4-го мая была создана Коммунистическая партия Китая (1921); под ее руководством народы Среднего государства одержали в конце концов великую победу в тяжелой, длительной и сложной борьбе со своими тремя главными врагами — империализмом, феодализмом и бюрократическим капиталом — и смогли затем приступить к строительству социализма в своей стране. С Движением 4-го мая связаны и такие важнейшие явления идеологической и культурной революции, как организация прогрессивной интеллигенцией массовой пропаганды марксизма-ленинизма, выпуск различных печатных изданий (в том числе первых марксистских журналов) и создание художественных литературных произведений на общепонятном языке «байхуа». По словам Мао Цзэ-дуна, «Культурная революция, осуществлявшаяся Движением 4-го мая, вела последовательную борьбу против феодальной культуры. За всю историю Китая он еще не знал такой великой и последовательной культурной революции»²⁶.

Одним из ярких проявлений культурной революции было, несомненно, быстрое возрастание у передовой китайской интеллигенции интереса к изучению быта, культуры и особенно поэтического творчества народа. Центрами научной жизни страны были в то время главным образом университеты; видное место среди них занимал Пекинский университет, основанный под давлением общественного мнения еще при Цинах под названием Столичного университета (1898) и получивший после Синьхайской революции свое нынешнее название. Незадолго до Движения 4-го мая в Пекинском университете вел работу по пропаганде марксизма товарищ Мао Цзэ-дун. Здесь же работал проф. Ли Да-чжао — один из основателей Коммунистической партии Китая, автор статьи «Моя марксистская точка зрения», в которой впервые на китайском языке давалось всестороннее изложение марксизма (1920)²⁷. С Пекинским университетом связана также деятельность проф. Цай Юань-лэя (1886—1940) — прогрессивного ученого, одного из первых антропологов и этнографов Китая. Однако развернуть этнографическую работу в университете проф. Цай не мог из-за противодействия реакционных ученых, особенно Ху Ши. Было создано только «Общество изучения обычаев» — первая специально этнографическая организация Китая, не проявившая, впрочем, большой активности.

Много внимания истории культуры, в особенности народного поэтического творчества, уделял великий китайский писатель Лу Синь; он был, по яркой характеристике Мао Цзэ-дуна, «самым безупречным, самым отважным, самым решительным, самым преданным, самым пламенным, невиданным в истории национальным героем, который, представляя большинство народа, штурмовал позиции врага на фронте культуры. Направление Лу Синя — это направление новой культуры китайского народа»²⁸. Лу Синь последовательно защищал трудовую теорию происхождения фольклора и рассматривал его как источник всей китайской литературы. Во многих работах Лу Синя, особенно в «Краткой истории китайской

²⁶ Мао Цзэ-дун, О новой демократии, Избранные произведения (пер. с кит.), т. 3, М., 1953, стр. 259.

²⁷ «Пекинский университет» (сборник статей на кит., русск. и англ. яз.), Шанхай, 1958, стр. 5—7.

²⁸ Мао Цзэ-дун, Указ. раб., стр. 256.

художественной прозы» (1923) и в цикле лекций «Историческая эволюция китайской художественной прозы „сяошо“» (1924) освещается немало вопросов, интересных не только со специально фольклористической, но и с более широкой историко-культурной точки зрения²⁹. Речь идет, например, об образе жизни первобытных людей, об их наблюдениях за явлениями природы и попытках объяснить эти явления, о возникновении древнейших анимистических представлений о духах «шэнь», о зарождении в процессе труда ритмических видов фольклора — стихов и песен — и о более позднем появлении художественной прозы, возникшей, по мнению Лу Синя, во время отдыха. Не может историк китайской этнографии пройти и мимо художественных произведений Лу Синя, таких, как «Подлинная история А-Кью», «Кун И-цзи», «Родное село», «Праздник лета», «Деревенское представление», «Моление о счастье» и многих других, столь богатых точными реалистическими зарисовками жизни различных групп сельского и городского населения Китая накануне Синьхайской революции и в первые десятилетия после нее³⁰.

К двадцатым годам нашего века относится также развертывание педагогической и исследовательской работы по этнографии в некоторых университетах Китая. Так как университеты эти в большинстве случаев финансировались различными, в том числе миссионерскими, организациями империалистических государств или, во всяком случае, находились под их сильным влиянием, то методологической базой этнографической науки в стенах учебных заведений такого рода оказались разные реакционные концепции западноевропейского и американского происхождения, служившие идеологическим «обоснованием» колониализма и проникнутые в той или иной степени расистскими представлениями. По образцу высших учебных заведений США, в университете Циньхуа в Пекине были созданы два факультета — социологический и антропологический; в задачу первого входило изучение собственно китайцев (хань), а в задачу второго — изучение национальных меньшинств. Структура эта отражала, вне всякого сомнения, типичное для буржуазной этнографии периода империализма деление народов на «культурные» и «природные», имеющие и не имеющие истории, т. е., по существу, на «высшие» и «низшие». Первые должны были изучаться методами общественных наук, вторые — методами наук биологических.

В полном соответствии с этой, в сущности говоря, расистской установкой, антропология (по-китайски «жэньлэйсюэ», т. е. «наука о человечестве») рассматривалась в качестве всеобъемлющей науки о «первобытных» (древних и современных) людях, с включением физической антропологии, «доисторической» археологии и этнографии. Такое понимание антропологии, как известно, характерно для Англии и США, откуда оно и было перенесено в Китай. Кроме университета Циньхуа, особый антропологический факультет существовал при университете имени Сунь Ят-сена (Чжуншань дасюэ) около Гуанчжоу; деканом этого факультета одно время был проф. Ян Чэн-цзи, опубликовавший несколько работ, посвященных этнографии народов южного и юго-западного Китая (и, мяо, яо, чжуан, тун и др.)³¹. Третий антропологический факультет был открыт в 1937 г. в католическом университете Фужэнь в Пекине после его посещения главой «культурно-исторической школы» венским этнографом патером В. Шмидтом. Этнография, обозначавшаяся большей частью тер-

²⁹ Лу Синь, Историческая эволюция китайской художественной прозы «сяошо» (пер. с кит.), «Дружба», 1958, №№ 36, 39, 41, 42.

³⁰ Лу Синь, Собр. соч. (пер. с кит.), М., 1954—1956, т. I, стр. 74—80, 120—130, 133—194, 212—228, 283—304.

³¹ См., например, Young Chin-Chi, L'écriture et les manuscrits lolos, Genève, 1935; его же, Among the aboriginal tribes of Kwangsi, Pingshek, Kwangtung, China (без года); его же, L'organisation social des Lolos indépendants à la Ta-Liang-Chan, «Social Research», т. I, № 3 (оттиск, без года).

ином «жэньвэньсюэ» (букв. наука о человеческой культуре), на всех этих факультетах считалась частью антропологии: задачи ее ограничивались изучением культуры и быта национальных меньшинств.

Факультетов социологии (шэхуэйсюэси) было в Китае до Освобождения гораздо больше. Они существовали в государственных университетах Нанкина, Шанхая, Тяньцзиня, Гуанчжоу, Куньмина, а также в миссионерских высших учебных заведениях Пекина (Яньцзиндасюэ), Наннина (Цзиньлиндасюэ), Ханчжоу (Чжанцзяндасюэ), Учана (Хуачжундасюэ), Чэнду (Хуасидасюэ) и некоторых других городов. На социологическом факультете Яньцзинского университета этнографические курсы читались с 1925 г.; деканом здесь был проф. У Вэнь-цзао — ученик и исследователь Бронислава Малиновского; преобладало влияние колониалистской «функциональной школы» со всеми ее пороками: антиисторизмом, отрицанием прогрессивного развития человеческой культуры, узким описательным «практицизмом» в полевых исследованиях и т. п. Очень резко дорожки эти были выражены, например, в работах Фэй Сяо-туна, посвященных этнографическому изучению жизни крестьян деревни Цзянцунь около Шанхая, или в статьях Ли Цзин-ханя о семье китайских крестьян окрестностей Пекина. Влияние функционализма сказывалось и во многих других исследованиях китайских этнографов того времени, например, в книге Чжэнь Хань-сена о земледелии народов южного Китая или в довольно многочисленных работах, посвященных брачным отношениям и системам родства самих китайцев³². Не избегал влияния функциональной школы и Линь Яо-хуа — один из видных современных китайских этнографов, автор ценных работ по этнографии мяо, и, цзяжун и других национальных меньшинств юго-западного Китая³³. Несмотря на серьезные методологические недостатки этих трудов, в них сохранился богатый фактический материал, имеющий большое значение для разработки вопросов истории первобытного и раннеклассового общества, в частности истории семьи, родовой организации, первичных форм сельской общины и т. п.

При гоминьдановском режиме центральным научным учреждением Китая была Китайская академия (Academia Sinica), в которую входил Институт социальных исследований, возглавлявшийся проф. Тао Мэн-хэ, а также Институт истории и филологии с четырьмя отделениями — истории, языкознания, археологии и антропологии. При отделении антропологии существовала группа этнографии. Реакционные концепции, связанные с входившей тогда в моду в США философией прагматизма, господствовали и в этих академических учреждениях. Исследования культуры и быта китайцев (хань) отрывались от аналогичных исследований национальных меньшинств, которым вообще почти не уделялось внимания, так как гоминьдановцы даже отказывали им в праве считаться отдельными народами и рассматривали их как «родовые объединения» (этот нелепый термин употреблял Чан Кай-ши в своей контрреволюционной книге «Судьба Китая») ³⁴. Проводя по отношению к отсталым,

³² Fei Hsio-tung, A field study of country life in the Yantse valley, London, 1939; Chen Han-Seng, Frontier land system in southernmost China, New York, 1949; Fend Han-yi, Teknonimy as a formative factor in the Chinese kinship system, «American Anthropologist», New ser., т. 38, 1936, № 1, стр. 59—66; его же, The Chinese kinship system, «Harvard Journal of Asiatic Studies», т. II, 1937, № 2, стр. 142—170; Hsü Francis L. K., The problem incest tabu in a North-China village, «American Anthropologist», New ser., т. 42, 1940, № 1, стр. 122—135; его же, Observation on cross-cousin marriage in China, «American Anthropologist», New ser., т. 47, 1945, № 1, стр. 83—103.

³³ Lin Yueh-hwa, Miao-man peoples of Kweichow province, «Harvard Journal of Asiatic Studies», т. V, 1941, № 3—4, стр. 261—345; его же, Kinship system of the Lolo, «Harvard Journal of Asiatic Studies», т. IX, 1946, № 2; его же, The kinship system of the Giarung, «Yenching Journal of Social Studies», т. IV, 1949, № 2.

³⁴ См. Мао Цзэ-дун, О коалиционном правительстве (пер. с кит.), Избранные произведения, т. 4, М., 1953, стр. 549.

угнетенным и бесправным национальным меньшинствам политику насильственной ассимиляции, гоминьдановцы не могли, конечно, поощрять их этнографическое изучение.

3

Из сказанного выше должно быть ясно, что нельзя искать прямой линии развития от социологии и антропологии гоминьдановского Китая к этнографической науке в Китайской Народной Республике, базирующейся на методологии марксизма-ленинизма и тесно связанной с национальной политикой Коммунистической партии Китая и Народного правительства. Это не значит, конечно, что должны быть выброшены за борты все конкретные материалы, накопленные китайскими этнографами до Освобождения; несомненно, однако, что материалы эти требуют критической оценки и разработки в свете задач развития социалистической науки в наши дни. В такой же критической оценке нуждаются и этнографические данные, накопленные в старом феодальном Китае, как мы видели, очень богатые и разнообразные, но почти не систематизированные. «За долгий период существования феодального общества,— писал в 1940 г. Мао Цзэ-дун,— в Китае была создана замечательная культура. Разобраться в процессе развития этой древней культуры, выкинуть из нее всю феодальную рухлядь, взять ее демократическое зерно — вот необходимое условие развития новой национальной культуры и укрепления веры нации в свои силы»³⁵. Тогда же товарищ Мао Цзэ-дун подчеркивал, что «культура новой демократии — культура национальная... она отнюдь не может объединяться с реакционными, империалистическими культурами каких бы то ни было других наций, так как наша культура — революционная национальная культура. Китаю следует впитывать в больших количествах прогрессивную культуру иностранных государств в качестве сырья для обогащения своей культуры»³⁶.

Большое значение для формирования современной китайской этнографии имели теоретическая разработка и практическое разрешение национального вопроса в Освобожденных районах Китая, а также деятельность передовых представителей китайской интеллигенции, постепенно переходивших на позиции марксизма-ленинизма. Несмотря на крайне тяжелую и напряженную обстановку гражданской и антияпонской войны, китайские коммунисты везде, где они были у власти хотя бы в течение самого малого времени, последовательно проводили мероприятия по поднятию экономического и культурного уровня национальных меньшинств, по обеспечению их фактического равноправия с китайцами, по ликвидации национальной дискриминации и антагонизма между разными национальностями. Во время Великого похода Китайской Красной армии с юга на северо-запад страны в 1934—1935 гг., при движении через районы расселения и, мяо и других национальных меньшинств в провинциях Гуанси, Гуйчжоу, Юньнань и Сычуань под непосредственным руководством Мао Цзэ-дуна, устанавливались самые дружественные отношения с этими народами, оказывалась им экономическая и культурная помощь, велась работа по разъяснению национальной политики Коммунистической партии Китая³⁷.

Большое внимание национальному вопросу уделяли китайские коммунисты в освобожденном пограничном районе Шэньси — Ганьсу — Нинся в годы антияпонской войны 1937—1945 гг., а также в Дунбэе и

³⁵ Мао Цзэ-дун, О новой демократии, Избранные произведения, т. 3, стр. 271.

³⁶ Там же, стр. 269—270.

³⁷ См., например: Э. Сноу, Героический народ Китая, М., 1938, стр. 34—35; Чэнь Чан-фэн, Вместе с председателем Мао в Великом походе, «Дружба», 1959 № 1, стр. 27—31; Чэнь Ци-тун, Великий поход (пер. с кит.), в сборн. «Современные китайские пьесы», М., 1956, стр. 215—338.

ругих очищенных от гоминьдановцев областях страны в период Третьей гражданской войны (1946—1949). Еще на VI расширенном пленуме ЦК КПК, проходившем в Яньане в октябре 1938 г., Мао Цзэ-дун подчеркивал, что основой национальной политики партии должно быть предоставление всем народам страны равных с китайцами прав и самоуправления в рамках единого государства³⁸. Учитывая специфику исторического развития Китая и прежде всего его отсталость, полуколониальный — полуфеодальный характер общественного строя, Коммунистическая партия Китая всегда выступала за тесное сплочение всех национальностей страны трудящимися массами китайского народа, против национального сепаратизма, который использовался империалистической агентурой в ее темных целях и заключал в себе опасность усиления империалистов на побой окраинной территории в случае ее «обособления» от центрального правительства. При обосновании этого важного теоретического и практического положения национальной политики Коммунистической партии Китая учитывался, в частности, печальный опыт вооруженных выступлений в 1920-х—1930-х годах некоторых национальных меньшинств Китая, подпавших под влияние агентов империализма. Примерами таких выступлений могут служить авантюры хуэйского милитариста Ма Чжу-ина, пытавшегося при поддержке японцев создать «Независимое мусульманское государство» на северо-западе Китая, или уйгурского пантюркиста Сабита Дамуллы, объявившего в 1934 г. о создании «Республики Восточный Туркестан»³⁹.

В работе «О коалиционном правительстве» Мао Цзэ-дун, опираясь на труды Маркса и Ленина, специально остановился на вопросе о национальных меньшинствах. Он указал, что антинародная гоминьдановская клика проводила по отношению ко всем малым народам Китая политику жесточайшего угнетения и чудовищной эксплуатации, целиком унаследованную от маньчжурской династии и северных милитаристов. Примерами «практического осуществления» этой политики могут служить кровавые расправы, учиненные в 1943—1945 гг. над монголами хайма Ичжу, над хуэй Ганьсю (дунганами) или различными национальными меньшинствами Синьцзяна⁴⁰. Решительно осудив эти зверства, товарищ Мао Цзэ-дун напоминает, что в 1924 г. Сунь Ят-сен в манифесте I съезда гоминьдана писал: «Гоминьдан торжественно заявляет, что за всеми национальностями, населяющими Китай, признается право на самоопределение; после победы революции над империалистами и милитаристами будет создана свободная, единая (образованная на основе добровольного союза всех национальностей) Китайская республика»⁴¹. Мао Цзэ-дун подчеркивает, что Коммунистическая партия Китая полностью согласилась с этой национальной политикой Сунь Ян-сена, преданной забвению чанкайшистами.

В той же работе Мао Цзэ-дун перечисляет основные задачи китайских коммунистов в разрешении национального вопроса. «Коммунисты должны помогать широким народным массам национальных меньшинств, в том числе тем их руководителям, которые тесно связаны с народными массами, в их борьбе за политическое, экономическое и культурное освобождение и развитие и за создание собственных войск национальных меньшинств, которые стояли бы на страже интересов народных масс. Язык, письменность, нравы, обычаи и религиозные верования национальных меньшинств должны уважаться»⁴². В полном соответствии с этими

³⁸ См. «Цзэфан» (Освобождение), 1938, № 57, стр. 24.

³⁹ См., например, А. Г. Яковлев, Решение национального вопроса в Китайской Народной Республике, М., 1959, стр. 33—43.

⁴⁰ Мао Цзэ-дун, О коалиционном правительстве, стр. 549—550.

⁴¹ Там же, стр. 550.

⁴² Там же, стр. 550—551.

положениями в Яньане еще в 1941 г. был создан Институт национальных меньшинств, который подготовил для работы среди них группу революционных кадров⁴³. В этом Институте, наряду с китайцами, учились хуэй, монголы, корейцы и представители других национальных меньшинств. Велась работа по изучению хозяйства, быта и культуры многонационального населения Освобожденных районов — прообраз будущей этнографической работы в Китае после Освобождения. Результаты этих исследований, в которых принимали участие многие товарищи, работающие на национальному вопросу и в настоящее время, использовались в практике народно-демократического строительства.

Уже тогда национальные меньшинства принимали активное участие в общественно-политической жизни Освобожденных районов. В Антифашистском конгрессе народов Азии, состоявшемся в Яньане осенью 1941 г., вместе с китайцами участвовали монголы, и, мяо, маньчжуры и представители других национальных меньшинств⁴⁴. Позднее — после очищения Дунбэя от японских оккупантов в 1945 г. — стали создаваться под руководством Коммунистической партии Китая национально-демократические союзы — Монгольский союз борьбы за национальную автономию, Корейская демократическая лига, Северо-Восточная Федерация хуэй и др.⁴⁵. При поддержке партии 15 февраля 1946 г. было образовано Восточномонгольское народное автономное правительство, а в начале апреля того же года в г. Чэндэ произошла встреча представителей восточных и западных районов Монголии и была достигнута между ними договоренность о создании единого автономного района Внутренняя Монголия⁴⁶. Осуществлено это решение было, как известно, в мае 1947 г. — более чем за два года до образования КНР. Монгольский народ в Китае вступил на путь экономического, социального и культурного прогресса и стал еще более активно бороться за полное освобождение страны⁴⁷.

Полное равноправие было предоставлено в Дунбэе и тем национальным меньшинствам, которые не получили до образования Китайской Народной Республики национальной автономии (корейцы, хуэй, маньчжуры, эвенки, ороочоны). Во время проведения аграрной реформы они получили землю наряду с китайцами (землей были наделены, например, более 200 тыс. семей корейцев). Общее число национальных школ в Дунбэе в 1949 г. увеличилось по сравнению с периодом японской оккупации в три раза. Только корейских средних школ работало 70 (против 17 при японцах). Были созданы четыре корейских педагогических института и университет. Учебников на корейском языке выпущено в 1946—1949 гг. свыше миллиона экземпляров⁴⁸. За пределами Дунбэя активное участие в вооруженной борьбе с гоминьдановской армией и в налаживании мирной жизни в очищенных от врага районах принимали в 1945—1956 гг. народы Синьцзяна, бай в Юньнани, чжуан в Гуанси, ли и мяо на острове Хайнань и многие другие⁴⁹. Хайнань, например, был в значительной степени очищен от гоминьдановцев еще до высадки десанта Народно-Освободительной армии в апреле 1950 г.⁵⁰

Все эти факты, свидетельствующие о большой активности национальных меньшинств Китая на фронте борьбы с гоминьдановцами и мирно-

⁴³ Хуа Минь, Институты национальных меньшинств, «Дружба», 1958, № 29; ср. А. Г. Яковлев, Указ. раб., стр. 38.

⁴⁴ А. Г. Яковлев, Указ. раб., стр. 38.

⁴⁵ Лю Юн-ань, Демократическое и социалистическое строительство в северо-восточном Китае (пер с кит.), М., 1957, стр. 96.

⁴⁶ Там же, стр. 97.

⁴⁷ Там же, стр. 98—99.

⁴⁸ Там же, стр. 98.

⁴⁹ А. Г. Яковлев, Указ. раб., стр. 39—40.

⁵⁰ Там же; ср. также Л. Делюсин, На острове Хайнань. В сб. «В городах и селах нового Китая», М., 1957, стр. 127—145.

го строительства накануне образования Китайской Народной Республики, могут с первого взгляда показаться не имеющими прямого отношения к истории китайской этнографии. В действительности, однако, дело обстоит не так: проводившееся в некоторых Освобожденных районах (особенно в Шэньси — Ганьсу — Нинся и в Дунбэе) сочетание практической работы среди национальных меньшинств с изучением на базе марксизма-ленинизма их культуры и быта явилось прообразом того пути, по которому должна была пойти этнографическая наука нового Китая после Освобождения. Определенную роль в подготовке вступления китайской этнографии на этот путь сыграли также работы некоторых передовых ученых, не являвшихся этнографами по своей узкой специальности, но пользовавшихся этнографическими материалами или затрагивавших в своих трудах комплексные историко-этнографические проблемы. Сюда можно отнести, например, исследования Го Мо-жо и Фань Вэнь-ланя по древней истории Китая, в которых освещались вопросы этногенеза и этнической истории, тщательно анализировались археологические и письменные памятники для восстановления картины хозяйства, общественного строя, культуры и быта народов страны на заре их развития. Привлекались для освещения отдельных вопросов (например, о характере рабовладения в периоды Шан-Инь и Чжоу) этнографические материалы по современным народам (в первую очередь по и Сычуани, у которых рабовладельческий уклад дожил до нашего времени)⁵¹.

Немало ярких, часто очень точных этнографических данных о культуре и быте китайцев и других народов Китая содержалось в произведениях передовых китайских писателей, многие из которых жили и работали на территории Освобожденных районов, преподавали, в частности, в Академии литературы и искусства имени Лу Синя, созданной в Яньане. Большой интерес для этнографии китайского народа представляют, например, сельские рассказы Мао Дуня — «Весенние шелкопряды», «Осенний урожай», «Лавка Линя» и др. Тяжелая жизнь трудящихся китайского города прекрасно описана во многих произведениях Лао Шэ, особенно в его романе «Рикша» («Верблюд Сян-цзы»), написанном в 1935 г. Судьбам национальной буржуазии и интеллигенции, втягиванию лучших ее представителей в революционную борьбу посвящены романы Ба Цзиня и Мао Дуня, драмы Цао Юя и Ся Яня. О жизни крестьян Освобожденных районов, о первых демократических преобразованиях в китайской деревне рассказывают в своих произведениях яньаньского периода Чжао Шу-ли и Чжоу Ли-бо. У этих писателей много живых картин острой классовой борьбы в деревне, проведения земельной реформы, ломки старых косных обычаев, связанных с патриархально-деспотической семьей, возникновения отношений нового типа между молодежью⁵².

4

Образование Китайской Народной Республики в октябре 1949 г. открыло новую эпоху в истории всех национальностей Китая — эпоху завершения новодемократической революции и перехода к строительству социализма во всех областях хозяйственной, общественной и культурной

⁵¹ Го Мо-жо, Эпоха рабовладельческого строя (пер. с кит.), М., 1956; Фань Вэнь-лань. Указ. раб.

⁵² Мао Дунь, Рассказы, Соч., т. 3 (пер. с кит.), М., 1956, стр. 7—196; его же, Колебания (роман), Радуга (роман), Перед рассветом (роман), Соч., тт. 1—2 (пер. с кит.), М., 1956; Лао Шэ, Рикша (пер. с кит.), М., 1956; Ба Цзинь, Любовь (пер. с кит.), М., 1957; его же, Семья (пер. с кит.), М., 1956; его же, Весна (пер. с кит.), М., 1957; его же, Осень (пер. с кит.), М., 1957; Цао Юй, Избранное (на кит. яз.), Пекин, 1951; его же, Гроза (пер. с кит.), «Современные китайские пьесы», М., 1956, стр. 97—214; Чжао Шу-ли, Избранное (пер. с кит.), М., 1958; Чжоу Ли-бо, Ураган (пер. с кит.), М., 1951.

жизни. Неотъемлемой частью этих процессов всемирно-исторического значения являлось разрешение национального вопроса в Китае, которое могло быть достигнуто только на базе неуклонного поднятия экономического и культурного уровня всех народов страны, постепенного проведения у них демократических, а затем и социалистических преобразований с целью ликвидации всех видов эксплуатации человека человеком и осуществления фактического равноправия трудящихся независимо от их национальной, расовой и религиозной принадлежности. Основные принципы национальной политики Коммунистической партии Китая и Народного правительства, сформулированные, как мы видели, в работах Мао Цзэ-дуня еще до Освобождения, были изложены в Общей программе Народного Политического Консультативного Совета, которая стала, по существу, первой временной конституцией нового Китая. «Китайская Народная Республика,— сказано в этой программе,— являющаяся государством новой демократии, т. е. народной демократии, осуществляет находящуюся под руководством рабочего класса демократическую диктатуру народа, основанную на союзе рабочих и крестьян и объединяющую все демократические классы и все национальности Китая»⁵³.

В первое время после провозглашения Китайской Народной Республики еще шла вооруженная борьба с гоминьдановцами на континенте и завершалось освобождение некоторых окраинных районов страны, в значительной степени населенных национальными меньшинствами, которые, как правило, активно помогали Народно-Освободительной армии в ее великом деле. Еще в 1949 г. были освобождены (преимущественно мирным путем) провинции Синьцзян, Хунань, Гуандун, Гуанси, Гуйчжоу, Сычуань и Юньнань. В апреле — мае 1950 г. части Народно-Освободительной армии окончательно очистили от противника остров Хайнань. В 1950 г. продолжалось очищение южных и юго-западных провинций (также с помощью национальных меньшинств) от банд гоминьдановцев. В ноябре 1950 г. началось продвижение войск Народно-Освободительной армии в Тибет. Наконец, в мае 1951 г. после переговоров между Центральным Народным Правительством и местными властями Тибета было подписано соглашение о мероприятиях по мирному освобождению этой неотъемлемой части Китая. В сентябре — октябре того же года Народно-Освободительная армия вошла в Лхасу. Таким образом, весь Китай, за исключением Тайваня и некоторых мелких островов, занятых остатками гоминьдановцев и американскими войсками, был освобожден⁵⁴. Вне КНР из народов Китая остались только тайваньские китайцы численностью около 8 млн. чел. и гаошань (примерно 200 тыс. чел.).

Для правильного разрешения национального вопроса в Китае надо было, конечно, иметь ясное представление об этническом составе его населения, о хозяйстве, общественном строе, культуре и быте его многочисленных народов, находившихся ко времени Освобождения на самых различных ступенях социально-экономического развития и очень разнообразных в этнографическом и языковом отношении. С целью изучения на месте всех этих вопросов, а также для проведения первоначальных мероприятий по национальному размежеванию, организации национальных автономных единиц разных ступеней и улаживанию межнациональных конфликтов в 1950 г. были созданы три специальные правительственные комиссии — в северо-восточном, центрально-южном и юго-западном Китае. В работе этих комиссий приняли участие многие китайские этнографы, сразу же после Освобождения начавшие сотрудничать с народной властью. С их помощью были собраны данные о хозяйстве, культуре и

⁵³ Ху Цяо-му, Тридцать лет Коммунистической партии Китая (пер. с кит.), Пекин, 1956, стр. 105.

⁵⁴ Там же, стр. 100—101; «Очерки по новой истории Китая» (пер. с кит.), М., 1956, стр. 137—158.

быте различных национальных меньшинств, об их этнических территориях, наименованиях и внутренних подразделениях — языковых и территориальных. Отчеты о работе полевых отрядов указанных комиссий, опубликованные в 1951—1952 гг., содержат ценнейшие этнографические материалы.

Выступая на 3-й сессии Национального комитета Народного Политического Консультативного Совета Китая 23 октября 1950 г., товарищ Чжоу Энь-лай специально остановился на наиболее важных конкретных задачах национальной политики КНР. Он указал, что необходимо при создании национальных автономий учитывать особенности каждого народа, постоянно воспитывать трудящиеся массы национальных меньшинств в духе патриотизма и интернационализма, а китайских трудящихся — в духе национального равноправия и уважения всех национальностей. Чжоу Энь-лай подчеркнул также необходимость усиленного развития торговли и здравоохранения в национальных районах, создания собственной письменности для народов Китая, ранее ее не имевших, искоренения великодержавного шовинизма и местного национализма. В целях осуществления необходимых мероприятий в конце 1951 г. были проведены специальные конференции представителей национальных меньшинств, созванных министерствами торговли, здравоохранения, культуры и просвещения. Это были первые конференции национальных меньшинств всего Китая, на которых делегаты обсуждали важнейшие вопросы развития своих народов.

В упомянутом выступлении Чжоу Энь-лай был поставлен также вопрос о подготовке кадровых работников различных профий для работы среди национальных меньшинств (в первую очередь из числа самих этих национальностей). 24 ноября 1950 г. Государственный Административный Совет принял развернутое решение по этому вопросу⁵⁵. В тот же день состоялось постановление о создании в Пекине Центральной академии национальных меньшинств (Чжунъян миньцзу сюэюань)⁵⁶. Академия эта была открыта 10 июня 1951 г.; перед ней были поставлены следующие главные задачи: 1) подготовка работников высшей и средней квалификации, необходимых для осуществления национальной автономии и развертывания экономического и культурного строительства в районах, населенных национальными меньшинствами; 2) всестороннее исследование экономики и общественного строя национальных меньшинств, их исторического развития, культуры и быта, языков и письменности; 3) издание оригинальных и переводных материалов, относящихся к различным сторонам истории и современной жизни национальных меньшинств⁵⁷.

В первый год своего существования Центральная академия национальных меньшинств (ЦАНМ) имела два факультета: политический и языковой. Тогда же начало работать подготовительное отделение, впоследствии разделенное на две ступени, соответствующие начальной и средней школе. Была организована при Академии и нормальная средняя школа. Общее число учащихся в ЦАНМ в первый год ее существования было 280 чел.; в дальнейшем это число неуклонно увеличивалось и достигло осенью 1956 г. 2400 человек, принадлежавших более чем к пятидесяти

⁵⁵ См. «Миньцзу чжэнцэ вэньцзянь хуэйбянь» (Сборник документов по национальной политике), I, Пекин, 1958, стр. 12—13.

⁵⁶ «Миньцзу чжэнцэ вэньцзянь хуэйбянь», I, стр. 14—15. Название «Чжунъян миньцзу сюэюань» означает буквально: «Центральный институт национальностей». По русски термин этот обычно переводится «Центральная академия национальных меньшинств» (ЦАНМ) или «Центральный институт национальных меньшинств» (ЦИНМ). Названия эти связаны с тем, что Чжунъян миньцзу сюэюань готовит кадры для работы среди национальных меньшинств КНР и занимается их всесторонним изучением; исследование китайцев в задачи этого учреждения не входит.

⁵⁷ «Миньцзу чжэнцэ вэньцзянь хуэйбянь», I, стр. 14—15.

национальностям. Среди студентов было много тибетцев (главным образом на подготовительных отделениях), китайцев, хуэй (дунган), уйгуров, чжуан, монголов, и, корейцев, тай, яо, тун, буи и др. В 1951—1956 гг. ЦАНМ окончило 1200 человек, из которых большинство было направлено на работу по специальности в районы расселения национальных меньшинств в качестве политических и административных работников, переводчиков, педагогов.

Политический факультет ЦАНМ готовил главным образом партийных и руководящих административно-хозяйственных и культурно-просветительных работников для автономных областей, округов и уездов. Срок обучения на основном отделении этого факультета — три года. При факультете работали специальные курсы повышения политической и идейно-теоретической подготовки руководящих местных работников национальных автономий. Была организована также двухгодичная аспирантура по марксизму-ленинизму.

Главная задача языкового факультета ЦАНМ заключалась в подготовке преподавателей, переводчиков и научных работников в области изучения языков и письменности национальных меньшинств Китая. Перед факультетом были поставлены также актуальные проблемы по созданию и реформе письменности национальных меньшинств, совсем ее не имевших или имевших в неудовлетворительном виде. Курс обучения на языковом факультете — четыре года; в 1954—1956 гг. существовала трехгодичная аспирантура. Специализация проводилась по многим языкам, в том числе по языкам тибетцев, монголов, уйгуров, казахов, чжуан, тай, буи, тун, шуи, и, наси, лису, лаху, цзинпо, кава.

В 1952 г. в составе ЦАНМ был создан научно-исследовательский отдел, к работе в котором было привлечено большинство этнографов Китайской Народной Республики и который до создания Исторического факультета в 1956 г. был центром этнографической науки нового Китая. По заданию Комиссии по делам национальностей Постоянного Комитета Всекитайского собрания народных представителей и под ее общим руководством сотрудники отдела включились в разработку ряда актуальных историко-этнографических проблем, среди которых в первую очередь должны быть указаны определение и разграничение национальных меньшинств Китая, всестороннее изучение их хозяйства и общественного строя, культуры и быта, в частности религиозных верований и культов, а также вопросы этногенеза и этнической истории, истории первобытного общества и первобытной культуры. Кроме того, перед этнографами Китайской Народной Республики был поставлен ряд других задач: изучение демократических и социалистических преобразований в хозяйстве, культуре и быте народов Китая, составление этнографических описаний отдельных национальностей, подготовка высококвалифицированных кадров в области этнографии, организация этнографических музеев.

Выполняя эти задачи (хотя и не всегда последовательно и достаточно активно), работники ЦАНМ участвовали во многих полевых исследованиях и подготовили ряд трудов, частично опубликованных в специальных изданиях. С 1955 г. начала выходить серия «Исследования по национальному вопросу в Китае»⁵⁸. Вышло восемь выпусков, в которых были помещены очень интересные по материалу статьи по истории, этнографии и языкознанию дауров Дунбэя и Внутренней Монголии, цзинпо и кава Юньнани, ту (монголов) Цинхая, туцзя западной Хунани и других национальных меньшинств, прежде крайне слабо изученных, а иногда и малоизвестных вообще. Последнее полностью относится, например, к туцзя — народу тибето-бирманской языковой группы, насчитывающему более 500 тыс. чел., но в значительной степени ассимилированному китайца-

⁵⁸ «Чжунго миньцзу вэньти яньцзю цзикань», Пекин, 1955—57.

ми и говорящему в настоящее время преимущественно по-китайски⁵⁹. Кроме этой серии, выходили еще непериодические сборники по истории и этнографии национальных меньшинств (например, «Общественный строй тибетцев», «Очерк истории уйгурского народа»). В 1954—1958 гг. издавался также «Журнал переводов по национальному вопросу» (Миньцзу вэньти ицун), в котором печатались преимущественно переводы статей советских этнографов. Сначала журнал выходил четыре раза в год; с 1957 г. он стал ежемесячным⁶⁰.

Помимо Центральной академии национальных меньшинств, в 1950—1956 гг. было создано еще семь провинциальных институтов того же профиля. К концу рассматриваемого периода все эти институты (включая ЦАНМ) окончили около 25 тыс. чел., принадлежащих более чем к сорока национальностям. Институты эти следующие: Центрально-Южный в Ухани (в 1957 г. преобразован в филиал ЦАНМ), Северо-Западный в Ланьчжоу, Юго-Западный в Чэнду, Гуйчжоуский в Гуйяне, Юньнаньский в Куньмине, Гуансийский в Наньнине, Цинхайский в Синине⁶¹. Во всех этих институтах готовятся для работы среди национальных меньшинств кадры работников различных специальностей — агрономы и животноводы, врачи и медсестры, политработники и преподаватели самых разнообразных предметов (языков, литературы, истории, географии, биологии, физики, математики и др.). Часть факультетов, отделений и курсов при институтах национальных меньшинств относится к системе высшего, часть — к системе среднего образования. При некоторых институтах были созданы исследовательские группы; работы этнографического характера велись главным образом в Ухани, Чэнду и Куньмине, где среди профессорско-преподавательского состава имелись соответствующие высококвалифицированные кадры.

Кроме ЦАНМ и местных институтов национальностей, работа по этнографическому изучению народов КНР в первые же годы после Освобождения была развернута в провинциальных, областных и окружных комитетах по делам национальностей в связи с практическими задачами поднятия экономического и культурного уровня прежде отсталых народов на юге, западе и севере страны. Работники этих комитетов собрали много ценных культурно-бытовых материалов, частично опубликованных в специальных отчетах, различных сборниках, журналах и газетах. Примерами таких публикаций могут служить книги «Письменность и язык национальных меньшинств Китая» (сборник статей)⁶², «Национальные меньшинства Юньнани» (коллективный труд работников провинциального комитета по делам национальностей)⁶³, Цю Пу «Успешное развитие Автономного района Внутренняя Монголия»⁶⁴. Местными комитетами по делам национальностей было издано также несколько этнографических карт отдельных районов Китая⁶⁵. Существенное значение для этнографии имели и некоторые лингвистические работы, в особенности труды Ло Чан-пэя, Фу Мао-цзи, Ма Сюэ-ляна и других языковедов, посвященные классификации языков национальных меньшинств и разработке для них новых систем письменности⁶⁶.

Надо сказать, наконец, об историко-культурных и этнографических работах музеев и различных обществ КНР. В общекраеведческих и не-

⁵⁹ «Чжунго миньцзу вэньти яньцзю цзикань», IV, стр. 175—196.

⁶⁰ «Миньцзу вэньти ицун», 1954—1958.

⁶¹ Хуа Минь, Указ. раб.

⁶² «Гонэй шаошу миньцзу юйянь вэньцзыды чайкуан», Шанхай, 1954.

⁶³ «Юньнань шаошу миньцзу чайкуан», Куньмин, 1956.

⁶⁴ Цю Пу, Шэнли цянцзинь чжунды Нэймэнгу цзичжищю. Пекин, 1954.

⁶⁵ См. С. И. Брук, Этническая картография в Китайской Народной Республике. «Сов. этнография», 1959, № 4.

⁶⁶ Ло Чан-пэй, Чжунго шаошу миньцзуды юйянь сишу хэ вэньцзы цинкуан, «Кюсюэ тунбао», т. 2, вып. 5, 1951, стр. 491—495; Фу Мао-цзи, О письменности национальных меньшинств, «Народный Китай», 1956, № 21, стр. 13—18; Ма Hsueh-tiang, Many languages, «China in transition», Peking, 1957, стр. 190—197.

которых специальных музеях (исторических, художественных), реконструированных и расширенных, а частично и вновь организованных после Освобождения, накапливались ценные этнографические коллекции и развешивались новые экспозиции, отражающие различные стороны хозяйства, культуры и быта народов Китая, осуществление у них демократических и социалистических преобразований. Постоянные и временные этнографические выставки были созданы при ЦАНМ в Пекине, его филиале в Ухани, при музеях Харбина, Сианя, Шэньяня, Нанкина, Чунцина, Наньнина, Куньмина и других городов. В 1957 г. в Пекине была развернута специальная историко-культурная выставка, посвященная хуэй. Выставка эта была подготовлена Мусульманским обществом, созданным в 1953 г. и проводившим большую работу по изучению истории, культуры и быта мусульман Китая, в особенности хуэй и уйгуров⁶⁷. Велась аналогичная работа и Обществом буддистов Китая, также организованным в 1953 г.⁶⁸

Серьезным пробелом в работе китайских этнографов в первые годы после Освобождения было недостаточное внимание к изучению культуры и быта китайцев. ЦАНМ и институты национальностей, комитеты по делам национальностей и большинство местных музеев работы по этнографии китайцев почти не вели, так как вся деятельность этих учреждений была подчинена главным образом практическим задачам экономического и культурного строительства у национальных меньшинств. В большей мере изучением культуры и быта китайцев занимались фольклористы КНР, которые затрагивали в своих многочисленных работах, наряду со специальными вопросами изучения народного поэтического творчества, и некоторые общетнографические темы — о народном изобразительном искусстве (в частности о художественных ремеслах), театре, танце, музыке, об обычаях и обрядах, связанных с сельским хозяйством, семейной и общественной жизнью, о мифах, легендах и других видах фольклора как историческом источнике. Накопление (а частично и научная обработка) материалов по некоторым разделам исторической и современной этнографии китайцев происходило также во многих специализированных институтах и музеях, вроде Исторического музея в пекинском дворце Гугун, Института прикладного искусства в Пекине, Музея истории музыки при Институте музыки КНР, музеев по истории искусства в Шанхае и Тяньцзине. Нельзя забывать также об отображении жизни китайского народа, его борьбы за построение социализма в художественной литературе. После Освобождения видное место заняли здесь очерки, короткие рассказы, повести и романы о социалистических преобразованиях во всех областях хозяйства и культуры, о ломке старого бытового уклада, о раскрепощении женщин, жизни молодежи, новых отношениях в семье. Примером сборника лучших произведений такого рода может служить книга «Избранные рассказы 1953—1955 годов», включающая новеллы Лю Бай-юя, Ли Чжуня, Ли Вэньюаня и других современных писателей⁶⁹.

5

Предпосылками дальнейшего прогресса этнографической науки в Китае были демократические и социалистические преобразования, осуществленные во всех областях экономики, общественной жизни и культуры в годы успешного выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства (1953—1957). При проведении этих преобразований

⁶⁷ См. например, Ma Chien, How Muslims live to day, «China in transition», стр. 202—205; «The Religious Life of Chinese Moslems», Peking, 1956.

⁶⁸ Cha o Pu - chu, More Ties among Buddhists, «China in transition», стр. 206—211.

⁶⁹ Книга эта легла в основу сборника «Современные китайские новеллы», изданного в Москве в 1958 г.

у различных народов учитывались собранные при участии этнографов данные об особенностях их хозяйства, общественного строя и культуры, о соотношении у них различных социально-экономических укладов и классовых групп населения. Важнейшее демократическое преобразование первых лет народной власти — аграрная реформа — проводилась среди национальных меньшинств в более длительные сроки, чем в районах с преобладанием китайского населения, где она закончилась уже в 1952 г. Все же к 1954 г. у большинства земледельческих народов окраинных районов страны (общей численностью свыше 20 млн. чел.) аграрная реформа также была в основном завершена. Многие миллионы крестьян различных национальностей были наделены землей, которой раньше владели помещики и другие эксплуататорские элементы.

У народов с сильно развитым феодализмом (например, у уйгуров, хуэй, маньчжуров, земледельческих групп монголов, отчасти у чжуан, буи, тун, бай, наси, юньнаньских и некоторых других национальных меньшинств) земельная реформа проходила, как и у китайцев, в обстановке острой классовой борьбы с помещиками, земли которых передавались крестьянам, а сами владельцы в случае сопротивления реформе или ранее совершенных преступлений несли по суду заслуженное наказание. Среди национальных меньшинств с менее развитыми феодальными отношениями (например, среди многих групп тай, ли, хани, мяо, яо, некоторой части и) аграрная реформа проводилась мирным путем в процессе разъяснительной работы среди полуфеодальной-полупатриархальной верхушки общества и даже с привлечением наиболее передовых и сознательных ее представителей к участию в демократических преобразованиях. Мирный путь преобразований был характерен и для ляншаньских ицзу в Сычуани, у которых преобладали рабовладельческие отношения. К началу 1957 г. рабство здесь было почти ликвидировано: свыше 600 тыс. рабов, полурабов, малоземельных крестьян получили земельные наделы из расчета по 1—4 му на человека. Земля была выделена и бывшим рабовладельцам, часть которых участвовала в проведении реформы.

Не проводилась земельная реформа среди тех народов, у которых ко времени Освобождения только еще складывалось классовое общество и были сильные первобытно-общинные отношения. Это имело место, например, у расселенных в пограничных районах западной Юньнани лису, лаху, дулун, ну, цзинпо, кава, булан, бэнлун (всего около 700 тыс. чел.). В 1954 г. Коммунистическая партия Китая выработала по отношению к ним новый курс — непосредственного перехода к социализму, минуя этап демократической революции. Тогда же одновременно с энергичным развитием сельского хозяйства этих национальностей развернулась работа по созданию у них в порядке опыта групп взаимопомощи и сельскохозяйственных кооперативов низшего типа. Очень своеобразно проводились демократические преобразования также у тех национальных меньшинств, основным занятием которых было животноводство кочевого или полукочевого типа (значительная часть монголов и близких к ним народов — ту, баоань и дунсян, а также казахи, киргизы, многие группы тибетцев Цинхая и Сычуани). Главное внимание уделялось в этих случаях регулированию порядка использования пастбищ различными социальными группами скотоводов, борьбе с внеэкономической эксплуатацией пастухов, снижению арендной платы за пользование скотом.

Демократические преобразования у национальных меньшинств стимулировали поднятие их экономического и культурного уровня, способствовали росту политической активности. Одним из ярких выражений этого процесса было быстрое увеличение числа национальных автономных единиц различных ступеней — областных (районных), окружных и уездных. К 1954 г. в Китайской Народной Республике существовало уже 40 единиц территориально-национальной автономии, к 1957 г. число их достиг-

ло 77 (из них — два автономных района: Внутреннее-Монгольский, созданный, как указывалось выше, в 1947 г., и Синьцзян-Уйгурский, образованный 1 октября 1955 г.). В конституции, принятой на Первой сессии Всекитайского собрания народных представителей первого созыва 20 сентября 1954 г., равноправие всех национальностей и их право на автономию в составе единого китайского государства было закреплено юридически. В статье 3-й главы I этого важнейшего исторического документа было специально указано, что «все национальности пользуются свободой использования и развития своего языка и письменности, свободой сохранения или изменения своих нравов и обычаев»⁷⁰.

Поскольку Китайская Народная Республика в целом, завершая народно-демократическую революцию, переходила к строительству социализма, постольку и среди национальных меньшинств страны за демократическими преобразованиями должны были последовать преобразования социалистические и среди них, в первую очередь, кооперирование сельского хозяйства. В первичных полусоциалистических формах оно началось у некоторых народов (например, у уйгуров, чжуан, бай, национальных меньшинств Цинхая) еще до завершения аграрной реформы. В политическом отчете ЦК Коммунистической партии Китая VIII Всекитайскому съезду партии 15 сентября 1956 г. товарищ Лю Шао-ци констатировал, что «в большинстве районов национальных меньшинств страны одержана решающая победа в проведении демократических и социалистических преобразований. В районах национальных меньшинств, где проживает более 35 миллионов человек, среди 28 миллионов в основном закончено проведение социалистических преобразований; среди 2,2 миллиона проводятся социалистические преобразования; примерно среди 2 миллионов осуществляются демократические преобразования и только среди 3 с лишним миллионов демократические преобразования еще не проводятся».

Товарищ Лю Шао-ци подчеркнул также, что, «наряду с социальными преобразованиями, ключом в деле превращения национальных меньшинств в современные нации является развитие в их районах современной промышленности»⁷¹. Это вполне понятно, так как рабочий класс всегда является руководящей силой современных социалистических наций, которые без него никогда не могли бы сложиться. Естественно, что Коммунистическая партия Китая и Народное правительство обратили особое внимание на создание в районах расселения национальных меньшинств промышленных баз общегосударственного значения, а также на развитие различных предприятий местного значения. На территории Внутренней Монголии, например, началось строительство Баогууского металлургического комбината, а на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района — Карамайской нефтяной базы. В 1956 г. в национальных районах, где прежде совсем не было промышленности, работало уже 423 государственных промышленных предприятия. Общее число рабочих из среды местных жителей в районах компактного расселения национальных меньшинств достигло к концу пятилетки 200 тыс. чел. Так, в Нуцзянском автономном округе национальности лису, (северо-запад Юньнани), очень богатом полезными ископаемыми, вступили в строй 54 предприятия добывающей и обрабатывающей промышленности⁷².

⁷⁰ «Конституция Китайской Народной Республики», Пекин, 1954, стр. 14.

⁷¹ Лю Шао-ци, Политический отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Китая VIII Всекитайскому съезду партии, Пекин, 1956, стр. 75—76.

⁷² Данные об экономическом и политическом развитии национальных меньшинств КНР взяты из различных новейших китайских источников. Официальные документы, относящиеся к этому вопросу, опубликованы в «Сборнике документов по национальной политике» («Миньцзу чжэнцэ вэньцзянь хуэйбянь», т. I—II, Пекин, 1958). Много фактических материалов о развитии национальных меньшинств помещено в журнале

Велики были в годы первой пятилетки и успехи культурного строительства среди национальных меньшинств. В 1956 г. расходы центрального государственного бюджета на нужды культурного строительства озорли по сравнению с 1955 г. по всей стране на 18,4%, по Внутренней Монголии — на 50,4%, по Синьцзяну — почти на 26%, по Цинхаю — более чем на 71%, по Тибету — на 28,7%⁷³. Быстрыми темпами развивалось среди национальных меньшинств просвещение. В районах их компактного расселения было открыто свыше 24 тысяч высших, средних и начальных школ. Число учащихся в институтах национальных меньшинств достигло к концу пятилетки 11 тыс.⁷⁴ Наряду с развитием школьного образования повсеместно развернулась работа по ликвидации неграмотности и по созданию новых систем письменности для народов, совсем ее не имевших или имевших в неудовлетворительном виде. В 1955 г. начал свою деятельность Институт языков национальных меньшинств Академии наук КНР, направивший в разные районы страны семь экспедиций для сбора материалов, необходимых для создания или усовершенствования письменности ряда национальных меньшинств. Для и, мяо, чжуан новые алфавиты на латинизированной основе были к концу пятилетки уже разработаны.

Быстрые темпы экономического и культурного развития национальных меньшинств Китайской Народной Республики повысили значение этнографической науки в стране и вместе с тем поставили перед китайскими этнографами новые ответственные задачи. Осенью 1956 г. в составе ЦАНМ был создан исторический факультет со специализацией по этнографии и истории национальных меньшинств. На первый курс факультета было принято 125 студентов — китайцев, монголов, хуэй, чжуан, тун, корейцев, и, мяо. В двухгодичную аспирантуру при факультете поступило осенью 1956 г. 30 чел., из которых 20 являлись выпускниками языкового факультета ЦАНМ, а остальные почти все были командированы местными институтами национальных меньшинств — Юньнаньским, Гуансийским, Гуйчжоуским и Юго-Западным. Кроме китайцев, среди аспирантов были хуэй, монголы, корейцы, тун. Все они специализировались по этнографии и прослушали в 1956/57 и 1957/58 учебных годах у советских и китайских специалистов курсы общей этнографии, исторической этнографии Восточной Азии, истории первобытной культуры, антропологии и археологии. Для аспирантов были также организованы практические занятия и семинары, все участники которых подготовили специальные исследовательские работы.

Активное участие этнографы ЦАНМ и других научных учреждений Китайской Народной Республики принимали в комплексных экспедициях, организованных в конце 1956 г. Комиссией по делам национальностей Постоянного Комитета Всекитайского собрания народных представителей и Академией наук КНР для длительного (4—7 лет) изучения истории, экономики, культуры и быта национальных меньшинств различных районов страны. Всего было организовано первоначально восемь таких экспедиций, направленных в следующие районы: Дунбэй и Внутреннюю Монголию, в Синьцзян-Уйгурский автономный район, в Тибет, Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу, Гуанси, Гуандун. От ЦАНМ в этих экспедициях приняло участие свыше 20 высококвалифицированных этнографов. В марте 1957 г. в Пекине состоялась первая отчетная конференция, посвященная работе этих экспедиций. Общий обзор их деятельности сделал товарищ Се Фу-мин — заместитель председателя Комиссии по делам

«Дружба» за 1957—1959 гг. Особенно интересна в этом отношении статья Ван Дяня «Через века к социализму» («Дружба», 1958, № 3). Ценные сведения по тому же вопросу дает А. Г. Яковлев в книге «Решение национального вопроса в Китайской Народной Республике» (М., 1959).

⁷³ А. Г. Яковлев, Указ. раб., стр. 91—92.

⁷⁴ Хуа Минь, Указ. раб., стр. 22—23.

национальностей. Были заслушаны, оживленно обсуждены, а частично и подвергнуты острой критике доклады руководителей и участников отдельных экспедиций, в том числе доклады Сун Шу-хуа о цзинпо автономного округа Дэхун в Юньнани, Цзинь Цзя-у — о хайнаньских ли, С Кан-луна — о ляншаньских и, Цю Пу — об ороочонах. Особенно острой была дискуссия о соотношении первобытно-общинного и раннего классового (феодалного) социально-экономических укладов у цзинпо и ли, а также о характере общественного строя и Ляншаня. Отчеты заслушанные на конференции, были опубликованы для внутреннего пользования.

В 1956—1957 гг. значительно расширились и окрепли связи между китайскими и советскими этнографами. В совещании этнографов СССР в Ленинграде весной 1956 г. принял участие проф. Линь Яо-хуа, выступивший с докладом «Некоторые насущные проблемы, стоящие перед китайскими этнографами в связи с разрешением национального вопроса в Китайской Народной Республике»⁷⁵. В течение двух с лишним лет (1956—1958) в ЦАНМ читал лекции автор настоящей статьи, несколько работ которого было опубликовано в «Журнале переводов по национальному вопросу»⁷⁶. Линь Яо-хуа совместно со мной подготовил доклад «О предмете этнографии и ее задачах в КНР», прослушанный на одном из заседаний этнографического семинара, организованного в ЦАНМ для профессорско-преподавательского состава. В июне—августе 1957 г. в Китае находились в командировке научные сотрудники Института этнографии АН СССР П. Е. Терлецкий и Г. Г. Стратанович, работавшие вместе с китайскими учеными над этнографической картой Китая и текстом тома «Народы Восточной Азии» из серии многотомного издания «Народы мира», выпускаемого Институтом этнографии⁷⁷.

6

1957 год был во многих отношениях переломным в новейшей истории народов Китая. Это был год успешного выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства КНР и подготовки к дальнейшему, еще более мощному и быстрому наступлению социализма во всех областях жизни страны. Социалистическая революция в области собственности на средства производства была в основном уже завершена; но это не означало завершения революции в Китае вообще: под руководством Коммунистической партии Китая развернулся новый этап — этап социалистической революции на политическом и идеологическом фронтах, проводившейся путем всенародного движения за упорядочение стиля в работе и борьбы против правых элементов. Движение это, начавшееся в мае 1957 г., охватило все стороны общественной жизни и имело огромное значение для теории и практики разрешения национального вопроса, для китайской исторической науки в целом и для этнографии, в частности. В разгар движения — 19 июля — была опубликована речь товарища Мао Цзэ-дуня «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа», в которой есть специальный раздел, озаглавленный «Вопрос о национальных меньшинствах»⁷⁸. Раздел этот посвящен главным образом анализу противоречий между китайцами (хань) и национальными меньшинствами.

Отметив, что численность национальных меньшинств Китайской Народной Республики превышает 30 млн. чел., товарищ Мао Цзэ-дун под-

⁷⁵ См. «Сов. этнография», 1956, № 3, стр. 79—91.

⁷⁶ См. «Миньцзу вэньти изун», 1957, №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11; 1958, №№ 2, 3, 8.

⁷⁷ См. «Сов. этнография», 1958, № 2, стр. 106—121.

⁷⁸ Мао Цзэ-дун, К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа (пер. с кит.). Приложение к журналу «Народный Китай», 1957, № 13, стр. 17.

черкивает, что, составляя всего 6% населения страны, они занимают территорию, равную примерно 50—60% всей площади Китая. «Поэтому непременно необходимо,— пишет он,— наладить отношения между ханьцами и нацменьшинствами... Как великоханьский шовинизм, так и местный национализм неблагоприятны для сплочения всех национальностей. Это одно из противоречий внутри народа, которое надо преодолеть»⁷⁹. В процессе движения за упорядочение стиля в работе Коммунистическая партия Китая, не прекращая усилий по преодолению великодержавного шовинизма, должна была сделать главный упор на борьбу с местным национализмом, который в 1957 г. усилился в связи с попытками правых элементов среди некоторых народов Китайской Народной Республики опорочить национальную политику партии, свернуть эти народы с социалистического пути и искусственно изолировать их от китайцев и других национальностей страны⁸⁰. Наиболее резкие проявления местного национализма, доходившие до требования полного отрыва от Китайской Народной Республики целых областей и выражавшие несомненно уже не противоречия внутри народа, но «противоречия между нами и нашими врагами» (по терминологии Мао Цзэ-дуна), имели место среди хуэйских, уйгурских и тибетских реакционеров. Были националистические вспышки и среди правых элементов у народов южного Китая (например, у тун и мяо в провинции Гуйчжоу).

Анализируя причины усиления местного национализма в 1957 г., заместитель председателя Комитета по делам национальностей Государственного Совета КНР товарищ Ван Фэн указывал, что оно «явилось отражением борьбы против социализма буржуазных и других эксплуататорских элементов в среде национальных меньшинств, тех социальных групп, которые не хотели принять проводимые преобразования»⁸¹. Для организации борьбы с реакционным национализмом всех видов и вместе с тем для разработки положительной программы нового этапа социалистического строительства в национальных районах в июле 1957 г. в г. Циндао состоялось объединенное совещание Постоянного Комитета Всекитайского собрания народных представителей и Комиссии по делам национальностей. В работе этого совещания приняли участие товарищи Мао Цзэ-дун и Чжоу Энь-лай. Был намечен, в частности, курс на повышение идейно-политического уровня работников среди национальных меньшинств, на овладение ими марксистско-ленинской теорией национального вопроса, с тем чтобы они могли успешно осуществлять задачу социалистического воспитания широких трудящихся масс многонационального населения страны. Новые ответственные задачи в этом аспекте были поставлены и перед институтами национальных меньшинств.

Борьба с правыми элементами развернулась весной и летом 1957 г. и среди работников по национальному вопросу — сначала в ЦАНМ, а затем и в других учебных заведениях и научных учреждениях. Среди этнографов наиболее активными правыми оказались последователи реакционной функциональной школы Фэй Сяо-тун и У Вэнь-цзао, хотевшие восстановить в Китайской Народной Республике буржуазную социологию, подменив ею исторический материализм — единственно верную методологию марксизма-ленинизма в области изучения общественных явлений. Фэй Сяо-тун долгое время занимал ответственные посты в ЦАНМ и руководил Юньнаньской исследовательской группой. Заслуженной суровой критике подверглись как старые, так и новые работы Фэй Сяо-туна, в которых он, рассматривая культуру и быт сельского насе-

⁷⁹ Мао Цзэ-дун. К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа, стр. 17.

⁸⁰ Лю Гэ-пин, Октябрь и национальный вопрос (пер. с кит.), «Дружба», 1957. № 10, стр. 11—14.

⁸¹ «Гуанминь жибао», 2 марта 1958 г.

ления Китая с позиций функционализма, видел в них только сумму неизменных навыков, приспособленных к специфическим локальным условиям, отрицал факт повышения жизненного уровня крестьянства после Освобождения и предлагал путь развития сельской экономики, исходящей всецело из местных нужд без учета общих перспектив социалистического строительства в стране⁸².

Движение за упорядочение стиля в работе и борьба с правыми вызвали необходимость серьезной перестройки всей учебной и научной работы в области национального вопроса и этнографии, включая экспедиционные полевые исследования. С особой остротой необходимость эта ощущалась в Юньнаньской исследовательской группе, сотрудникам которой пришлось заново пересмотреть фактический материал, собранный под руководством Фэй Сяо-туна и страдающий весьма существенными недостатками (слабое внимание к изучению экономического базиса, недооценка классового расслоения среди национальных меньшинств, увлечение пережиточными явлениями и игнорирование современности).

В начале августа состоялась научная конференция в Куньмине, на которой были заслушаны доклады об этнографическом изучении цзинпо, кава, ну, дулун, лису. В сентябре в Пекине проходило Второе отчетно-экспедиционное совещание, на котором был вскрыт ряд аналогичных ошибок в работах многих исследовательских групп — синьцзянской, тибетской, гуйчжоуской, гуандунской и др. Стало ясно, что в ходе движения за упорядочение стиля китайским этнографам надо еще внимательно проверить всю свою работу, проводить ее под непосредственным руководством партии, ставя на первый план политические задачи, и подчинять всю свою деятельность общенародным интересам социалистического строительства.

Чрезвычайно богаты событиями в жизни этнографов Китайской Народной Республики были два последних года перед десятилетним юбилеем Освобождения (1958—1959). Весной 1958 г. — первого года второй пятилетки — Китай вступил в период Большого скачка (Да яоцзинь) — быстрого подъема во всех областях экономики, общественной жизни и культуры.

Национальные меньшинства Китая приняли самое активное участие в Большом скачке, осуществляя на деле генеральную линию партии: «напрягая все силы, стремясь вперед, строить социализм по принципу — много, быстро, хорошо и экономно». Процесс кооперирования сельского хозяйства у подавляющего их большинства не только завершился, но и поднялся на высшую ступень: народные коммуны с многоотраслевым хозяйством, оснащенным новой техникой, стали базой социально-экономической организации населения в подавляющем большинстве районов национальной автономии. В результате острой борьбы были разгромлены правые элементы, в том числе и местные националисты. В 1958 г. в составе Китайской Народной Республики оформились два новых автономных района — Гуанси-Чжуанский (5 марта) и Нинся-Хуэйский (25 октября). К десятилетию образования КНР в Китае стало уже 87 единиц национальной автономии — 4 района, 29 округов и 54 уезда. Территориальную автономию получили 36 национальных меньшинств, насчитывающих вместе более 26 млн. чел. (95% всех проживающих компактно национальных меньшинств страны)⁸³. В марте — апреле 1959 г. был подавлен контрреволюционный мятеж в Тибете, который, вопреки надеждам империалистов и тибетских reactionеров, «не привел к расколу

⁸² Фэй Сяо-тун, Нэйди нунцунь (Деревня во Внутреннем Китае). Куньмин, 1955; его же, Чжунфань цзянцунь (Второй раз в деревне Цзянцунь). «Синьгуаньча» (Новое обозрение), 1957.

⁸³ Се Хэ-чоу, Торжество национальной политики, «Дружба», 1959, № 40, стр. 14—16 (тов. Се Хэ-чоу — заместитель председателя Комитета по делам национальностей КНР).

Родины и возвращению Тибета на старый путь, а содействовал укреплению единства Родины, содействовал гибели тибетских реакционных сил, содействовал демократизации Тибета и возрождению тибетского народа»⁸⁴. В настоящее время в Тибете началось проведение демократических реформ.

Успехи экономического и культурного строительства у национальных меньшинств Китая за последние два года огромны. Так, например, в четырех автономных районах в 1958 г. валовая продукция промышленности выросла по сравнению с 1957 годом на 69,8%, а сбор зерна — на 44,5%. Во Внутренней Монголии, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, в провинциях Цинхай, Ганьсу и Сычуань поголовье скота с 1949 по 1958 г. увеличилось более чем в два раза. В первой половине 1959 г. среди национальных меньшинств КНР было более 4,2 млн. учащихся начальных школ, свыше 390 тыс. учащихся средних школ и более 22 тыс. студентов. Если сравнить эти цифры с периодом до образования КНР, то окажется, что число учащихся в начальных школах увеличилось в 9 раз, в средних школах — в 111 раз, а в вузах — в 36 раз⁸⁵. Ученые Академии наук КНР и ЦАНМ закончили обследование языков 33 народов и составили проекты алфавитов для 18 национальностей (чжуан, буи, тай, ли, мяо, наси, лису, лаху, хани, цзинпо, кава и др.). Практически вопрос о создании письменности для бесписьменных народов в 1959 г. был в основном успешно разрешен. Во время празднования славного десятилетнего юбилея КНР тов. Чжоу Энь-лай имел полное основание сказать, что «наша Родина стала большой семьей, в которой все народы полностью равноправны, живут в дружбе и помогают друг другу»⁸⁶.

Среди этнографов и других исследователей в области национального вопроса также наметился Большой скачок в работе. 23 июня 1958 г. был официально открыт новый научно-исследовательский Институт национальностей Академии наук КНР с тремя отделами: национального вопроса, истории и этнографии⁸⁷. В начале июня происходила Третья отчетно-экспедиционная конференция, которая вылилась в широкое критическое и самокритическое обсуждение основных проблем китайской этнографии, ее задач и методов работы в период развернутого строительства социализма. На конференции были заслушаны отчеты о работе экспедиционных научно-исследовательских групп, в том числе Юньнаньской группы, добившейся под новым руководством значительных успехов в своей деятельности (докладчик — начальник группы товарищ Хоу Фан-юй). Резкой критике были подвергнуты идейно-политические и методологические ошибки Ли Юй-и, Цзин Цзя-у, У. С. Сайрани, Янь Куня, Янь Чэн-чжи и некоторых других этнографов, которые не смогли до конца избавиться от влияния реакционной буржуазной науки, не смогли искренне и последовательно «свергнуть белое знамя и водрузить красное знамя» во всей своей общественной и научно-исследовательской деятельности. Это была острая борьба между социалистической и капиталистической линиями

⁸⁴ Сообщение Телеграфного агентства Синьхуа о мятеже в Тибете, Прилож. к журн. «Дружба», 1959, № 14, стр. 4; см. также постановление по вопросу о Тибете первой сессии Всекитайского собрания народных представителей Второго созыва, в котором подчеркивается, что «неуклонным курсом КНР является последовательное осуществление под единым руководством Центрального Народного Правительства национальной районной автономии, при которой широкие народные массы и патристически настроенные деятели различных кругов будут сами вершить свои дела, последовательное осуществление под единым руководством Центрального Народного Правительства демократических реформ» (цит. по статье Хоу И «За новый скачок, за дальнейшее сплочение народа», «Дружба», 1959, № 20, стр. 3—6).

⁸⁵ Се Хэ-чоу, Указ. раб.

⁸⁶ Чжоу Энь-лай, Великое десятилетие, «Жэньминь жибао», 7 октября 1959 г. (ср. также «Правда», 9 октября 1959 г.).

⁸⁷ См. «Исследовательская работа по национальностям в КНР», «Сов. этнография», 1959, № 1, стр. 134—136.

развития китайской этнографии, между «большой правдой и большой неправдой»! Наиболее жаркие дискуссии разгорелись по вопросам методологии этнографической науки, ее задач в деле изучения хозяйственных и культурно-бытовых преобразований в период развернутого строительства социализма, оценки уровня общественно-экономического развития и классового состава различных народов Китая до и после Освобождения, разоблачение местного национализма, критики реакционных буржуазных школ в этнографии, особенно функционализма.

На той же конференции был подробно обсужден и принят план Большого скачка в области исследования национальностей Китая на 1958–1959 гг. В соответствии с этим планом в августе 1958 г. в районы расселения пятидесяти национальных меньшинств Китайской Народной Республики выехали исследовательские группы для составления историко-этнографических очерков этих национальностей к десятилетию образования КНР. В состав групп вошли сотрудники, преподаватели и студенты Института национальностей, ЦАНМ и других центральных и местных учреждений (всего более 1000 чел.). Итогам конференции был посвящен особый сборник — «Скачок в исследовательской работе по национальному вопросу»⁸⁸. С сентября 1958 г. стал выходить журнал Института национальностей «Миньцзу яньцзю» (Исследования по национальному вопросу), в задачу которого входит пропаганда успехов национальной политики Коммунистической партии Китая и Народного правительства, разработка теории национального вопроса на базе методологии марксизма-ленинизма, публикация оригинальных и переводных статей по различным вопросам этнографии, критика реакционных буржуазных теорий.

В настоящее время этнографическая наука в Китайской Народной Республике находится на пути крутого подъема к высотам марксистско-ленинского знания, вооруженного самой передовой в мире методологией и неразрывно связанного с практикой социалистического строительства. Вся работа по изучению хозяйства, культуры и быта народов Китая ведется под руководством Коммунистической партии и подчиняется основным задачам строительства социализма. Творчески применяется к конкретным китайским условиям опыт передовой советской науки. Этнографы Китайской Народной Республики прилагают все силы к тому, чтобы стать действительно «красными» и в то же время высококвалифицированными специалистами. Сбор материалов для 60-томной серии «Очерков этнографии и истории» народов Китая в основном уже закончен. В феврале 1959 г. в Пекине происходило совещание этнографов, на котором обсуждались проблемы дальнейшего развития этнографической науки и были также намечены конкретные мероприятия по завершению всех очерков. К десятилетию КНР уже были подготовлены и критически обсуждены предварительные тексты историко-этнографических описаний многих народов. Полевая работа по сбору дополнительных материалов продолжается. Можно не сомневаться, что работа эта будет успешно выполняться и в недалеком будущем этнографы всего мира получат от своих китайских коллег ценный подарок — обобщающий труд по этнографии национальных меньшинств самой большой страны Восточной Азии, уверенно идущей вместе с СССР и другими странами лагеря социализма к светлому коммунистическому будущему.

SUMMARY

The accumulation of ethnographical knowledge in China began in hoary antiquity. Information about culture and everyday life is found on dice of the Shang-Yin period (XVI—XI centuries B. C.).

Many works of folklore and literature of the peoples of China are rich in ethnographical data. Here among others we find books of different travels and sea voyages, com-

⁸⁸ «Миньцзу яньцзю гунцзоды яоцзинь», Пекин, 1958.

mercial expeditions, pilgrimages, etc., which were most popular in feudal China. Progressive Chinese intellectuals of the end of the 19th and beginning of the 20th century became especially interested in the study of the culture and life of the people.

The movement of May 4th 1919 which opened a new stage in the history of China, the stage of the new democratic revolution, played a decisive role in the development of the revolutionary-democratic trend in Chinese science and culture. For ethnography the works of the founder of modern Chinese literature Lu Hsun, especially his works devoted to the study of folklore, are of great importance. Nevertheless the official ethnography of China, which was created in the 1920's was greatly influenced, up to Liberation, by different reactionary Western-European and American theories, especially those of the colonialist functional school. This harmful influence was also felt after Liberation and impeded the reconstruction of the work of the ethnographers of the Chinese People's Republic on the basis of Marxist-Leninist methodology.

After the formation of the Chinese People's Republic ethnography has been developing in China in close connection with the national policy of the Communist Party of China, the main direction of which was outlined in the works and practical activities of Comrade Mao Tse-tung during the Yenan period. In 1951 the Central Academy for National Minorities was established in Peking. In 1956 its structure was enriched by the creation of a history faculty where students get special knowledge in history of national minorities and ethnography. In 1958 the scientific Institute of Nationalities of the Academy of Sciences of the Chinese People's Republic began its activities in three departments: the nationality problem, ethnography and history. The Institute issues a scientific monthly entitled «Minzu Yanjiu (Investigations on the National Problem)». It also publishes symposiums and separate books, which contain valuable studies in ethnography.

Together with the «Great Leap» in all the fields of socialist construction in China a «Great Leap» is also taking place in ethnographical science. The plan of this leap has been worked out at the Institute of Nationalities. It envisages the preparation of a series of historical-ethnographic essays on 50 national minorities of China. The collection of materials for those essays is carried out by 16 groups of investigator working in different regions of the country. The essays themselves are also written on the spot. The significant date of October 1st found Chinese ethnography considerably strengthened, successfully completing its struggle «for the downthrow of the white flag and the hoisting of the red banner, for the liquidation of bourgeois ideology and the consolidation of socialist ideology».
